

ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.01

«ВСТУПАЕМ В XVIII ВЕК!»: ОБРАЗ УШЕДШЕЙ ЭПОХИ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ»

“ENTRING THE 18TH CENTURY!”: IMAGE OF THE GONE ERA IN IVAN TURGENEV’S NOVEL “VIRGIN SOIL”

Сергей Анатольевич Васильев
Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Sergei Anatolyevich Vasilyev
Moscow City University,
Moscow, Russia

Аннотация

Последний роман И. С. Тургенева «Новь», не столь часто, как ранние, привлекавший внимание исследователей, содержит характерный образ культуры ушедшей эпохи XVIII в. Ее воплощением являются супруги Субочевы — Фимушка и Фомушка. Автор тщательно работал над этими образами, вставляя в посвященные им главы значительные фрагменты текста, в частности описания альбомов, включающих стихи, экфрастическую часть — полотно с изображением Фомушки-охотника. По признанию самого И. С. Тургенева, цель создания «оазиса» старины в романе о современности «Новь» — контраст, сатира, причем обращенная в значительной степени не в прошлое, а в настоящее и будущее.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Новь», Фимушка и Фомушка, XVIII в., сатира, вариация.

Abstract

Ivan Turgenev’s last novel “Virgin Soil”, not so often as the early novels, which attracted the attention of researchers, contains a characteristic image of the culture of the bygone era of the 18th century. It is embodied by the

Subochevs — Fimushka and Fomushka. The author carefully worked on these images, inserting into the chapters devoted to them significant fragments of text, in particular descriptions of albums, including poems, and ecphrasis — the canvas with the image of Fomushka hunting. According to Ivan Turgenev, the purpose of creating the “oasis” of antiquity in “Virgin Soil”, a novel about modern times, is a contrast. The writer uses satire, which was peculiar to his talent throughout his work. Not only the rudiments of the 18th century, but also the quest for modernity, are exposed to ridicule, as well as the 19th century and the germs of the future — the 20th century, represented in the image of the unprincipled merchant Golushkin.

On the other hand, Fimushka and Fomushka are regarded with favour both by the author and the central character — the populist Nezhdanov, the other guests of the old people. Turning to the creation of these characters, Ivan Turgenev artistically varies Gogol’s images of the “old-world landowners”, combining satire and a warm emotional feeling, realized through the embodiment of an idyllic spirit. Following the artistic logic of Nikolai Gogol and building his own course of artistic thought, Ivan Turgenev uses a number of characteristic techniques: he gives the twins almost identical names, creates their twin portraits, briefly describes their house outside and depicts the interior in detail. A separate characteristic theme is the literary and musical tastes of Fimushka and Fomushka. The two poems from the album are a clear parody of the literary demands of the era. The performance of a romantic song by the spouses is a grotesque scene in which anacreontic lyrics, popular in their time, are partly romanticized and even more vulgarized. Nevertheless, the images of the characters are undoubtedly close to the author spiritually and, even represented in a clearly parodic and satirical manner, turn out to be unexpectedly modern.

Key words: Ivan Turgenev, “Virgin Soil”, Fimushka and Fomushka, 18th century, satire, variation.

Введение. Роман «Новь», опубликованный в 1877 г., стал последним из шести созданных И. С. Тургеневым социально-психологических романов: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь». В своем «Предисловии к романам» (1880) автор отмечал: «<...> я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time”¹, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений» [Тургенев: 390]. Замысел романа «Новь» И. С. Тургенев характеризовал так: «Мелькнула мысль нового романа. Вот она: есть *романтики реализма* <...>. Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к *идеалу*. Они ищут в ре-

¹ «Самый образ и давление времени» (пер. и прим. авт. — С. В.).

альном не поэзии — эта им смешна, но нечто великое и значительное, — а это вздор: настоящая жизнь прозаична и должна быть такою» [Тургенев: 399] (выделено авт. — С. В.). Таким романтиком реализма изображен один из главных героев романа неудавшийся народник Нежданов — фигура с трагическим жизненным финалом и символичной фамилией (незаконнорожденный сын аристократа, явившийся на общественное служение народу, не готовому его принять).

Своему последнему роману И. С. Тургенев придавал большое значение. В письме к М. Е. Салтыкову он поделился следующей мыслью: «Оттого мне и не хотелось бы исчезнуть с лица земли, не кончив моего большого романа, который, сколько мне кажется, разъяснил бы многие недоумения и самого меня поставил бы так и там — как и где мне следует стоять» [Тургенев: 483].

Характеризуя два последних романа писателя, А. И. Батюто отмечал: «“Дым” и “Новь” — романы не только общественно-политические, но и сатирико-публицистические. Во всяком случае элементы сатиры и публицистики в этих романах весьма значительны» [Батюто 1972: 210].

Образы сатирического плана, как известно, присутствовали в романе «Отцы и дети» («ложные» нигилисты Ситников и Кукшина), в ряде других прозаических и поэтических произведений как раннего, так и позднего периодов творчества писателя [Пустовойт 1959]. Изображение общественной «нови» 1870-х г. потребовало от автора воплощения, в значительной степени сатирического, не только собственно современности, ее разноплановых тенденций, но и прошлого, подчас очень далекого, но тоже нашего свое место в настоящем, а также будущего — XX в. (Голушкин, иронически именованный — «передовой человек»). И то, и другое, и третье несут на себе значительный отпечаток сатиры.

Вместе с тем, как отметил Л. П. Гроссман, «влечение к XVIII веку <...> одна из многих граней тургеневского творчества» [Гроссман], и только сатирой, конечно, не исчерпывается.

Цель работы: выявить особенности и функции образа XVIII в., созданного в ставшем завершающим романе И. С. Тургенева «Новь».

Методология. При подготовке статьи были использованы сравнительно-исторический (Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский), типологический (П. Н. Сакулин), семантико-стилистический (В. В. Виноградов, Ю. И. Минералов) методы. Обращение к трудам тургеневедов и творческой истории романа «Новь» сопровождалось экскурсами в гоголеведение и в изучение русской культуры XVIII в.

Основная часть. Образ прошлого создается через ряд ярких сцен, связанных с посещением героями романа дома родственников Паклина — Фимушки и Фомушки, как бы «задержавшихся» в XVIII в. и представляющих собой далекое общественное прошлое.

Творческая история глав о Фимушке и Фомушке

Тургенев уделял большое внимание главам XVIII и XIX, в которых изображен «оазис» прошлого для времени действия произведения столетия: «В процессе работы над главой о Фимушке и Фомушке были вставлены большие куски текста с ироническим описанием провинциального альбома, картины, изображающей Фомушку в виде охотника, и др. <...> Есть в этой главе строки, не вошедшие в окончательный текст, но интересные для характеристики этих своеобразных “старосветских помещиков”» [Буданова: 497].

Глава в свое время привлекла внимание критики. Правда, как считает А. И. Батюто, отрывок о Фимушке и Фомушке был напечатан «в художественно-юмористическом журнале “Стрекоза” <...> явно с полемической целью». Его публикация сопровождалась «следующим редакционным примечанием»: «Мы позволяем себе заимствовать эту бесподобную главу из читаемой в настоящее время всею Россией “Нови”. В ней — чудесная тургеневская теплота идет рука об руку с чисто гоголевским комизмом» [Батюто 1982: 524].

Сохранилась авторская характеристика творческой задачи, которая была решена XIX главой: «Как видно из <...> письма Тургенева, Кавелину, как и большинству критиков “Нови”, показались лишними вставные эпизоды с Фимушкой и Фомушкой. Отвечая на это замечание Кавелина, Тургенев признавался: “Я просто не устоял перед желанием нарисовать старорусскую картинку в виде d’un geroussoir <контраста> или оазиса, как хотите”» [Батюто 1982: 521].

В «Рассказе новой повести» (второй редакции конспекта романа) И. С. Тургенев набросал план главы о посещении дома Фимушки и Фомушки: «<...> встреча с Паклиным! <...> Он ежегодно привозит в этот город свою горбатую сестру на лето к родственникам. “Здесь у меня оазис”. Родственники добрые и глупые до святости. Муж и жена — оба старые, бездетные — и никто не зовет их иначе как Фимушка (Серафима¹) и Фомушка (Фома). И добры и глупы “до святости”. Друг на друга даже похожи — и одеваются почти одинаково: толстенькие, кругленькие, в каких-то полосатых капотах — у одной на голове чепец, у другого колпак с теми же рюшами, как на чепце, только без банта. Паклин уверяет, что без банта и не узнаешь, кто — кто; тем более что Фомушка безбородый. “Посетите оазис”. Приятели его посещают. Описать. (Политика туда не проникает.) Горбатая поет недурно, а слабым голосом. Клавесин. Слуга *Каллиопыч*. Девочка Пуфка и т. д.» (выделено авт. — С. В.) [Тургенев: 417]. Уже в этом конспекте автор дал яркий парный портрет персонажей-супругов — почти двойников: по словам Паклина, главная от-

¹ Аграфена (прим. авт. — С. В.).

личительная примета, позволяющая не перепутать мужа и жену — бант (прием гротеска).

Изображение героев: портрет и внутренний мир

«Оазис» Фимушки и Фомушки, их счастливый или представляющийся таковым домашний быт [ср: Дубинина], Паклин представляет весьма эмоционально: «<...> пойдёмте к моим родственникам! <...> Представь: оазис! Ни политика, ни литература, ни что современное туда и не заглядывает. Домик какой-то пузатенький каких теперь и не видать нигде; запах в нем — антик; люди — антик; воздух — антик... за что ни возьмись — антик, Екатерина Вторая, пудра, фижмы, XVIII век!» [Тургенев: 235]. Тургенев в иронически-юмористическом ключе пользуется гоголевскими и Грибоедовскими аллюзиями: об этом говорит краткое (зрительный эпитет, упоминание запаха) описание дома («пузатенький», — как и в «Мертвых душах», прямо соотносимый с характером и даже внешним обликом хозяев — «толстенькие, кругленькие») и явно завышенный пафос упоминаний о веке Екатерины, как в монологе Фамусова («<...> Век при дворе, да при каком дворе! / Тогда не то, что ныне, / При государыне служил Екатерине» [Грибоедов: 27]). Эллиптированные конструкции с повтором слова «антик» (в четвертом случае используется как вывод: «за что ни возьмись — антик»), при минимуме содержащейся информации, призваны усилить эмоциональное восприятие собеседников, вызвать желание увидеть пресловутую древность своими глазами.

Паклиным дается развернутый словесный портрет обитателей «оазиса»: «Хозяева... представь: муж и жена, оба старенькие-престаренькие, однолетки — и без морщин; кругленькие, пухленькие, опрятенькие, настоящие попугайчики-переклитки; а добры до глупости, до святости, бесконечно! Мне скажут, “бесконечная” доброта часто бывает сопряжена с отсутствием нравственного чувства... Но я в эти тонкости не вхожу и знаю только, что мои старички-добрячки. И детей никогда не имели. Блаженные! <...>» [Тургенев: 235–236].

Характеристика имеет явно гротескный характер. Пытаясь завлечь своих знакомых к родственникам, Паклин чрезмерно усиливает и, не замечая того, фактически окарикатуривает, с его точки зрения, привлекательные черты Фимушки и Фомушки и их быта. Главный аргумент в их пользу — нравственная чистота «старичков»: «Такие есть степные прудки; они хоть и не проточные, а никогда не зацветают, потому что на дне у них есть ключи. И у моих старичков есть ключи — там, на дне сердца, чистые-пречистые» [Тургенев: 236].

Среди комических черт изображения персонажей — Фомы Лаврентьевича и Евфимии Павловны — можно назвать почти полный звуковой повтор в их именах, данных к тому же с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *Фомушка* и *Фимушка* — своеобразная богатая диссонансная

рифма. Фамилия *Субочевы*, произошедшая от имени предка, рожденного в субботу, со стороны художественной семантики как бы нацеливает на ничего неделание через библейскую аллюзию, понятую иронически: «Помни день субботний, чтобы святить его» (Исх. 20, 8).

Авторские описания, с одной стороны, действительно, связывают персонажей напрямую с XVIII в. С другой стороны, как уже было замечено, Фимушка и Фомушка представляют собой «своеобразную вариацию гоголевских старосветских помещиков» [Пустовойт 1987: 209], «парафразирование» [Минералов: 21, 218] гоголевского стиля.

Гоголевские параллели

Интенция Гоголя рассматривается подчас противоположно — от идиллии («неизъяснимая прелесть») до сатиры (что более близко тургеневским сценам и картинам). Так, Ю. В. Манн характеризует «Старосветских помещиков» как «едва ли не самый сложный» случай. С его точки зрения, «это настоящая “ирои-комическая” поэма еды, поглощения пищи» [Манн: 145]. Доброту персонажей исследователь воспринимает тоже неоднозначно: «Старички были действительно добры, и они готовы были всегда все сделать для гостей, но могли ли они предложить им что-нибудь другое, кроме еды?» [Манн: 147].

Однако повествователь, «сын цивилизации <...> относится к жизни своих старинных приятелей как к блаженному, обреченному на исчезновение и уже исчезнувшему <...> островку гармонии» [Манн: 147]. С этим связан особый содержательный план и эмоциональный эффект: «Всех писавших о “Старосветских помещиках” больше всего поражал сам момент перехода, когда почти растительное прозябание персонажей вдруг отзывалось глубокой сочувственной реакцией читателя» [Манн: 152].

Приметы эпохи XVIII в. четко видны в интерьере дома гоголевских персонажей, например, в упоминании портретов: «Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяйка давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество небольших картинок, которые как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их вовсе не рассматриваешь» [Гоголь: 218].

От описания внешнего вида дома и портрета хозяев И. С. Тургенев, соотнося свою художественную логику с гоголевской, также обращается к интерьеру: «— Вступаем в XVIII век! — воскликнул Паклин, как только перешагнул порог субочевского дома. И действительно: XVIII век встретил гостей уже в передней, в виде низеньких синеньких ширмочек, окле-

енных вырезанными черными силуэтками напудренных дам и кавалеров. С легкой руки Лафатера силуэтники были в большой моде в России в 80-х годах прошлого столетия» [Тургенев: 241–242]. Словесно-живописный план, общий для обоих художников слова, дает оригинальную параллель: портреты — силуэтники.

Писатель пользуется намеченным у Гоголя приемом экфрасиса, упоминая стертые резные изображения на табакерке и создавая словесный образ портрета молодого Фомушки: «Фомушка достал и показал гостям свою любимую деревянную резную табакерку, на которой когда-то можно было счесть тридцать шесть человеческих фигур в разных положениях: все они давно стерлись, но Фомушка их видел, видел до сих пор, и перечсть их мог и указывал на них. “Смотрите, — говорил он, — вон один из окошка глядит, смотрите: он голову высунул...” А то место, на которое указывал его пухленький палец с приподнятым ноготком, так же было гладко, как и вся остальная крышка табакерки. Потом он обратил внимание посетителей на висевшую над его головой картину, писанную масляными красками. Она изображала охотника в профиль, скачущего во весь дух на буланой лошади — тоже в профиль — по снежной равнине. На охотнике была высокая белая баранья шапка с голубым языком, черкеска из верблюжьей шерсти с бархатной оторочкой, перетянутая кованым золоченым поясом; расшитая шелком рукавица была заткнута за тот пояс; кинжал в серебряной оправе с чернью висел на нем. <...> — А ведь это я! — прибавил он, погодя немного, с стыдливой улыбкой» [Тургенев: 243]. Нельзя не заметить нелепости рассказа о совершенно стертых резных изображениях и о картине, написанной маслом, на которой никак невозможно узнать пузатенького Фомушку. Однако, наряду с комизмом, в образе ощущается и авторская теплота в отношении к героям.

Образ жизни героев: пародия и сатира

Характерен образ жизни и круг чтения Фимушки и Фомушки. Согласно приведенной характеристике, «время, казалось, остановилось для них <...>» [Тургенев: 237]; «*вставляли поздно*, кушали утром *шоколад* из крошечных чашек в виде ступок; “чай, — уверяли они, — уж после нас в моду-то вошел”; садились друг перед другом — и либо беседовали (и всегда находили о чем!), либо читали из “Приятного препровождения времени”, “Зеркала света” или “Аонид”, либо просматривали старенький альбом, переплетенный в красный сафьян с золотой каемкой <...>» (здесь и далее выделено мной. — С. В.) [Тургенев: 239].

Эти описания не только сатирические, но и пародийные по отношению к гоголевской повести: «Оба старичка, по старинному обычаю старосветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда *вставляли рано*) и как только двери заводили свой разноголосный концерт, они уже сидели за столиком и *пили кофе*. Напившись

кофею, Афанасий Иванович выходил в сени и, стряхнувши платком, говорил: “Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца!”» [Гоголь: 221].

Тургенев с опорой на гротеск выписал своих персонажей не только «подлинно восемнадцативечными», но и еще более архаичными, чем даже герои гоголевской повести, жившие по отношению к XVIII в. хронологически ближе: Фомушка и Фимушка вставали поздно и пили шоколад, а не, по уверениям супругов, позже появившийся чай (или кофе), хотя, конечно, приоритет появления и распространения тех или иных напитков в дворянской среде не является столь однозначным. Деталь «чай, — уверяли они, — уж после нас в моду-то вошел» прежде всего не историческая, а собственно художественная. Ср.: «Фелица» (1782) Г. Р. Державина: «А я, проспавши до полудни, / Курю табак и кофе пью» [Державин: 35].

Одна из важных параллелей между описаниями Фимушки и Фомушки и «Старосветскими помещиками» — приезд гостей, который существенно менял жизнь радушных хозяев. Гоголевские герои искренне рады гостям. При определенных параллелях общение с гостями показывает больше различий между гоголевскими и тургеневскими персонажами. Помещики «жили для гостей», что было необходимо для их «добрых, бесхитростных душ» [Гоголь: 223]. Тургеневские же Фимушка и Фомушка не столько уделяют внимание гостям, сколько показывают себя, они «раскуражились» [Тургенев: 243]. Фомушка, показывая картину с изображением охотника, не удерживается от нарциссизма: «А ведь это я!» То же по другому поводу произносит и Фимушка.

Альбом и стихи: литературные вкусы

Характерной чертой изображения ушедшей эпохи является альбом, в который гости вписывали свои стихи. Альбомы, как известно, были очень популярны в начале XIX в. Существовал особый лирический жанр — стихи в альбом, в этом жанре писали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, многие другие поэты эпохи. Однако этот образ у Тургенева носит явно пародийный характер, становящийся еще одной гранью представления новых «старосветских помещиков»: «<...> просматривали старенький альбом, переплетенный в красный сафьян с золотом каемкой, принадлежавший некогда, как гласила надпись, одной M-me Barbe de Kabylie¹. Как и когда попал этот альбом к ним в руки — они сами не знали. В нем находилось несколько французских и много русских стихотворений и прозаических статей <...>» [Тургенев: 239]. В альбоме есть и стихи, но завершается он более чем прозаически (еще одна составляющая гротеска): «На последней странице альбома стояли — вместо стихов — рецепты от желудка, спазмов и — увы! — даже от глистов» [Тургенев: 240].

¹ г-же Варваре Кобылиной (*франц.*) (прим. автора. — С. В.).

Приведенные стихи — литературный китч: «Хорошо было также стихотворение, озаглавленное “Тирсис”, где встречались такие строфы:

Покой вселенной управляет,
Роса с приятностью блестит.
Природу нежит, прохлаждает,
Ей нову жизнь собой дарит!

Один Тирсис с душой унылой
Страдает, мучится, грустит...
Когда с ним нет Анеты милой —
Его ничто не веселит! —

и экспромт проезжего капитана в 1790 году, “Маия в шестый день”:

Никогда я не забуду!
Тебя, любезное село!
И вечно помнить буду!
Приятно время как текло!
Которое имел я честь!
У владелицы твоей!
Пять лучших в жизни дней!
В почтеннейшем кругу провести!
Среди множества дам и девиц!
И прочих *интересных* лиц!» [Тургенев: 240].

В первом случае создается образ невольного пародирования ломоносовского стиля («Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная *тишина* <...>» [Ломоносов: 83]). Это реализуется через параллель характерных мотивов *покой* — *тишина* в их обобщающем, вселенском смысле, а далее, так же с мнимоломоносовским соединением далеких идей и образов, — зевгмой [Тынянов: 237]. От намеченного очень шаблонно масштаба вселенной автор резко переходит к идиллии, Тирсису, устойчивому образу, воплощающему любовно-пасторальную тематику (идиллия Феокрита, басня Лафонтена и др.).

Второй текст — «экспромт» — состоит из выглядящих нелепо сплошных восклицаний, каждое из которых занимает отдельную строку. Он включает и явную двусмысленность: «Которое имел я честь! / У владелицы твоей!»

Литературный вкус Фомушки и Фимушки, таким образом, охарактеризован достаточно полно. Не случайным, добавляющим новый пародийный нюанс в этой связи оказывается и причудливое именование слуги — *Каллиопыч*, вызывающее в памяти не отца персонажа (по анало-

гии с *Петрович*), а музу Каллиопу (др.-греч. Καλλιόπη — «прекрасногласая» [Словарь: 243]), в древнегреческой мифологии покровительницу эпической поэзии, науки и философии.

«Певцы»: исполнение романса и его восприятие

Однако Фимушка и Фомушка не только читатели, но и исполнители любовных песен, им близка салонная культура ушедшей эпохи сентиментализма, причем не столько в элитарном, сколько в расхожем ее понимании. Названные выше журналы и альманахи дают характерный ориентир: наряду с произведениями выдающихся мастеров — Г. Р. Державина, М. Н. Муравьева, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и др. — в них публиковались и тексты усредненного уровня, что для периодики является делом вполне обычным.

Комическая по сути своей сцена пения романса вызывает, однако, весьма характерные размышления Нежданова. В шутовстве Фомушки и Фимушки он видит беззлобие их душ, возникает аллюзия на гоголевский образ беззлобного Акакия Акакиевича Башмачкина (Акакий с греч. — *незловивый*): «А что, — подумал Нежданов, как только рукоплесканья унялись, — чувствуют ли они, что разыгрывают роль... как бы шутов? Быть может, нет; а быть может, и чувствуют, да думают: “Что за беда? ведь зла мы никому не делаем. Даже потешаем других!” И как поразмыслишь хорошенько — правы они, сто раз правы!» [Тургенев: 247].

Художественные функции глав о XVIII в.

Выявляя функции изображения Фимушки и Фомушки в романе «Новь», П. Г. Пустовойт писал о том, что их «оазис» — «сатирический контраст народникам, их идеализации мужика <...>. Сентиментально-идиллическая невинная чета воркующих обитателей “оазиса” понадобилась Тургеневу для того, чтобы, вызвав у читателя отрицательное отношение к ней, устами Паклина заявить Нежданову: “И там <...> чепуха — и здесь <...> чепуха... <...>. Только та чепуха — чепуха восемнадцатого века ближе к русской сути, чем этот двадцатый век”» [Пустовойт 1987: 209–210].

Размышляя над ролью главы о XVIII в., Л. П. Гроссман писал: «Эта глава “Нови” многих неприятно поразила как неуместный, присочиненный эпизод. “Это был мой каприз, — оправдывается Тургенев, — я вспомнил такую старенькую чету, которую знал когда-то”. Но точно ли только каприз композиции в этом вторжении фарфорового стиля в атмосферу народвольческой пропаганды? Или, быть может, перед новыми социальными опытами душа Тургенева заныла от тоски и попыталась хоть на мгновение заглушить проповедь активных народников серебрящимися всплесками моцартовского мотива? Во всяком случае, эти поздние отзвуки снова слышатся в последних тургеневских созданиях. Через несколько лет после “Нови” он берется опять за изображение своей “старенькой четы”. Какой

шедевр эти “Старые портреты”! <...> Так умирающий Тургенев навсегда прощается с маркизой Помпадур» [Гроссман].

Выводы. Итак, образ Фомушки и Фимушки, прочно ассоциирующийся с безвозвратно ушедшим XVIII в., воплощен как сатирический (безнадежно отставшие от жизни помещики), а также пародийный по отношению к повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики». С другой стороны, автор не просто высмеял рудименты прошлого, но выстроил своего рода систему художественных времен: XVIII в. — Фимушка и Фомушка, XIX в. — искания народников, XX в. — циничный капитализм купца Голушкина. Ни одно из времен не принимается писателем полностью, каждое подвергается внимательному художественному исследованию. И в этой связи гротескно обозначенные «нравственные ключи» в душах, пусть и ограниченных, Фимушки и Фомушки, их теплота, хоть и поданные явно иронически, очевидно, не могут не вызывать определенной симпатии автора, особенно с учетом отношения Н. В. Гоголя к своим персонажам («Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владельцев отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими <...>» [Гоголь: 215]). Да, Фимушка и Фомушка смешны, нелепы, ограничены, но что пришло им на смену? Купца Голушкина, представляющего еще не наступивший XX в., заигрывавшего с народниками и революционерами, а позже, при первой опасной ситуации, от них отрекшегося, художественная логика романа отвергает. Судьба самих народников почти неизбежно трагична (они вышли на «проповедь» слишком рано). Один Соломин, умеющий ценить людей и заботиться о них, как на руководимой им фабрике, так и в революционном деле, социально и идеологически перспективен. И он, кстати, с удовольствием отправляется к Фимушке и Фомушке: «Я с великим даже удовольствием готов» [Тургенев: 236]. Душевная теплота, искренние чувства, взаимная преданность, пусть и гротескно искаженные течением жизни и человеческими немощами, как бы перешагивают границу времен и оказываются неожиданно современными.

Литература

Батюто А. И. Комментарии // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 9. Москва: Наука, 1982. С. 519–536.

Батюто А. И. Тургенев-романист. Ленинград: Наука, 1972. 394 с.

Буданова Н. Ф. Комментарии // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 9. Москва: Наука, 1982. С. 478–519, 536–544.

Гоголь Н. В. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. Москва: Художественная литература, 1978. 574 с.

Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Сочинения. Москва — Ленинград: ГИХЛ, 1959. С. 1—105.

Гроссман Л. П. Портрет Манон Леско URL: <https://iknigi.net/avtor-leonid-grossman/64103-literaturnye-biografii-leonid-grossman/read/page-12.html>.

Державин Г. Р. Сочинения. Ленинград: Художественная литература, 1987. 504 с.

Дубинина Т. Г. Концепт «счастье» в прозе И. С. Тургенева и А. П. Чехова // Спасский вестник. Вып. 24. Тула: Аквариус, 2016. С. 81—88.

Ломоносов М. В. Сочинения. Москва: Современник, 1987. 444 с.

Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. Москва: Coda, 1996. 474 с.

Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. Москва: Владос, 1999. 359 с.

Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев — художник слова. Москва: Издательство Московского университета, 1987. 304 с.

Пустовойт П. Г. Сатирические тенденции в творчестве И. С. Тургенева // Творчество И. С. Тургенева: Сборник статей: Пособие для учителя. Москва: Учпедгиз, 1959. С. 448—520.

Словарь античности / Пер. с нем. Москва: Прогресс, 1989. 704 с.

Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 227—252.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 9. Москва: Наука, 1982. 576 с.

References

Batyuto A. I. Kommentarii // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t. T. 9. Moskva: Nauka, 1982. S. 519—536.

Batyuto A. I. Turgenev-romanist. Leningrad: Nauka, 1972. 394 s.

Budanova N. F. Kommentarii // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t. T. 9. Moskva: Nauka, 1982. S. 478—519, 536—544.

Gogol' N. V. Izbrannye sochineniya: V 2 t. T. 2. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 574 s.

Griboedov A. S. Gore ot uma // Griboedov A. S. Sochineniya. Moskva — Leningrad: GIKHL, 1959. S. 1—105.

Grossman L. P. Portret Manon Lesko URL: <https://iknigi.net/avtor-leonid-grossman/64103-literaturnye-biografii-leonid-grossman/read/page-12.html>.

Derzhavin G. R. Sochineniya. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 504 s.

Dubinina T. G. Koncept “schast’e” v proze I. S. Turgeneva i A. P. Chekhova // Spasskij vestnik. Вып. 24. Тула: Аквариус, 2016. С. 81—88.

Lomonosov M. V. Sochineniya. Moskva: Sovremennik, 1987. 444 s.

Mann Yu. V. Poetika Gogolya. Variacii k teme. Moskva: Coda, 1996. 474 s.

Mineralov Yu. I. Teoriya khudozhestvennoj slovesnosti. Moskva: Vlados, 1999. 359 s.

Pustovojt P. G. I. S. Turgenev — khudozhnik slova. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987. 304 s.

Pustovojt P. G. Satiricheskie tendencii v tvorchestve I. S. Turgeneva // Tvorchestvo I. S. Turgeneva: Sbornik statej: posobie dlya uchitelya. Moskva: Uchpedgiz, 1959. S. 448–520.

Slovar' antichnosti / Per. s nem. Moskva: Progress, 1989. 704 s.

Tynyanov Yu. N. Oda kak oratorskij zhanr // Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. Moskva: Nauka, 1977. S. 227–252.

Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t. T. 9. Moskva: Nauka, 1982. 576 s.

Сведения об авторе: Сергей Анатольевич Васильев; доктор филологических наук; профессор; Московский городской педагогический университет; профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук; ORCID 0000-0002-6985-5002; okdomovenok@yandex.ru; сфера научных интересов: поэтический стиль, русская литература XVIII–XXI вв.

The author's profile: Sergei Anatolyevich Vasilyev; Doctor of Philology; Professor; Moscow City University; Professor at the Russian Literature Department of the Institute of Humanities; ORCID 0000-0002-6985-5002; okdomovenok@yandex.ru; research interests: poetical style, Russian literature of 18–21 centuries.